5. *Friesen Norm.* The Lecture as a Transmedial Pedagogical Form: A Historical Analysis // Educational Researcher. Apr. 2011. Vol. 40. No. 3. P. 95–102 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.academia.edu/1210577/The_Lecture_as_a_Transmedial_Pedagogical_Form_A_Historical_Analysis (data obrashhenija: 05.06.2016).

6. *Greenwald G.* Why privacy matters? [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ted.com/talks/glenn_greenwald_why_privacy_matters?language=en (data obrashhenija: 05.06.2016).

7. *Kramer Olaf.* TED-Talk, Slam und Science Notes — Techniken zur Inszenierung öffentlicher Rede im Wandel. S.14 Satür 2016 — Abstracts der Vorträge, 21 April 2016 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.rheton.sbg.ac.at/rheton/category/rhetorikgespraeche/ (data obrashhenija: 05.06.2016).

8. Macmillan English Dictionary [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.macmillandictionary.com/ (data obrashhenija: 05.06.2016).

9. *Malin David.* The importance of public talk — Conference Proceedings CAP 2007. P. 178–182 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://clck.ru/9wjnu (data obrashhenija: 05.06.2016).

10. *Navid Hayeri.* Does gender affect translation? Analysis of English talks translated to Arabic Analysis of English talks translated to Arabic. Texas 2014 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/25082/HAYERI-DISSERTATION-2014.pdf?sequence=1&isAllowed=y (data obrashhenija: 05.06.2016).

11. *Ruzo A.* How I found a mythical boiling river in the Amazon [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ted.com/talks/andres_ruzo_how_i_found_a_mythical_boiling_river_in_the_amazon (data obrashhenija: 05.06.2016).

12. TEDx Speaker Guide, 2015 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.dst.uniroma1.it/sites/default/files/allegati_notizie/tedx_speaker_guide.pdf (data obrashhenija: 05.06.2016).

13. *Treasure J.* How to speak so that people want to listen [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ted.com/talks/julian_treasure_how_to_speak_so_that_people_want_to_listen (data obrashhenija: 05.06.2016).

14. *Welly Naptali.* Tatsuya Kawahara, Automatic Transcription of TED Talks [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ar.media.kyoto-u.ac.jp/lab/bib/report/NAP-sdp12.pdf (data obrashhenija: 05.06.2016).

Е. П. Носова

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ТЕЗАУРУСЕ ЛИЧНОСТИ (на материале ассоциативных словарей)

(Работа выполнена в рамках исследовательского проекта, поддержанного РГНФ № 15-04-00318 «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»)

В статье рассматривается отражение прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением, в интертекстуальном тезаурусе языковой личности. На материале данных пяти ассоциативных словарей выделяются тексты, формирующие интертекстуальный тезаурус языковой личности, прослеживаются основные тенденции в динамике интертекстуального тезауруса. Высказывается предположение о возможности вхождения некоторых текстов современного детского чтения в ядро интертекстуального тезауруса личности.

Ключевые слова: языковая личность, детское чтение, интертекстуальный тезаурус, ядро интертекстуального тезауруса, ассоциативный словарь, сильные тексты.

E. Nosova

CHILDHOOD READING IN INTERTEXTUAL THESAURUS OF LINGUISTIC IDENTITY (on the Material of Associate Dictionaries)

Article covers reflection of precedent phenomena, motivated by childhood reading, in intertextual thesaurus of linguistic identity. Based on the material of five associate dictionaries it shows text, composing nucleus of intertextual thesaurus, main tendencies in dynamics of intertextual thesaurus. Made an assumption about inclusion of some modern text of childhood reading in intertextual thesaurus nucleus.

Keywords: linguistic identity, childhood reading, intertextual thesaurus, intertextual thesaurus nucleus, associate dictionary, strong texts.

Современное языковое пространство проникнуто интертекстуальными включениями, отличающимися по источникам прецедентности. Включение в текст прецедентных феноменов различных типов является заметной характеристикой современной речевой практики. Приведем несколько примеров из текстов различных типов: ***Буратино.*** *Оттопырим ся. Возьмем по кислоте?* (Х/ф «Брат», реж. С. Бодров); *Впрочем, зубы — у клюворылов, а наш, наш собственный, личный, серый и гладкий полосатик, наш* ***бедный Йорик*** *рыбы не ел, рыбаков не обижал, прожил жизнь светлую и короткую…* (Т. Толстая, «Ночь»); *Они спустились с* ***Олимпа*** *и учатся жить в мире людей* (реклама Сбербанка); *Получается, что Роскосмос не только истинный законодатель космической туристической моды, но и еще* ***«самых честных правил…»*** (РИА-Новости, 31.01.2008); *Я сегодня золу сеяла, с картошкой, чтобы сыпать. Вся в золе,* ***как Золушка*** (из устной речи).

Очевидно, что большое количество интертекстуальных включений не только в художественной литературе, но и в текстах массмедиа предполагает наличие инварианта восприятия прецедентного текста в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, а также символов прецедентных текстов — различных прецедентных феноменов в ассоциативном тезаурусе языковой личности.

«Языковая личность, с одной стороны, понимается как совокупность коммуникативных способностей и характеристик человека, позволяющих ему осуществлять дискурсивную деятельность, с другой — как совокупность отличительных черт, обнаруживающихся в коммуникативном поведении конкретного носителя языка и обеспечивающих ему коммуникативную индивидуальность» [4, с. 17]. Не раз отмечалось, что языковой личностью может быть назван как отдельный носитель языка, обладающий индивидуальными особенностями речевого поведения, так и усредненная языковая личность, некая абстракция, которая отражает специфику речевого поведения определенного сообщества, национального или профессионального (см., например, [10, с. 3]). В данной работе языковая личность рассматривается как некая модель, в которой отражены типические черты представителей лингвокультурного сообщества.

Поскольку любая личность принадлежит определенному культурному сообществу и является носителем не только языка, но и культуры, в тезаурусе языковой личности может быть выделен «особый интертекстуальный компонент, предполагающий знание некоторого числа текстов данной культуры и их знаков-представлений — цитат» [6, с. 186]. Такой интертекстуальный компонент Г. В. Денисова предлагает называть «интертекстуальной энциклопедией», по-

нимаемой как «область культурной памяти, представленной определенным набором текстов, который составляет основу презумпции интертекстуальности [1, с. 147–148]. Презумпцией интертекстуальности называется «предречевая готовность носителя, его текстовый потенциал, который оперирует на бессознательном уровне и активизируется в зависимости от прагматических условий коммуникации, выливаясь в стратегию интертекстуальности» [1, с. 147]. Н. А. Кузьмина вводит понятие «интертекстуальный тезаурус» — «совокупность всех элементов, которые говорящий считает “чужими” при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов» [6, с. 190]. Интересная попытка реконструкции интертекстуального тезауруса нашего молодого современника, представителей разных типов речевой культуры, представлена в диссертации Н. В. Соломиной [15].

Интертекстуальный тезаурус личности организован по принципу ассоциативного поля: в нем выделяются относительно устойчивое ядро и периферия. Понимание того, какие тексты составляют ядро интертекстуального тезауруса, необходимо для решения широкого спектра проблем, связанных с языковой личностью. Во-первых, это вопросы лингводидактики, значимые как в аспекте культурной грамотности, то есть владения достаточным количеством фоновой информации для успешной коммуникации внутри лингвокультурного сообщества, так и в аспекте изучения иностранного языка и межкультурной коммуникации. Высокий уровень языковой способности в модели языковой личности предполагает «готовность к оперированию национальным и интернациональным образным ономастиконом» [2, с. 62]. Во-вторых, это вопросы лингвокультурологии, поскольку прецедентные феномены представляют собой языковое выражение концептов, важнейшим компонентом которых является ценностный. Изучение интертекстуального тезауруса позволяет выявить аксиологические установки лингвокультурного сообщества, стереотипы сознания и поведения его представителей.

Утверждение, что ядро интертекстуального тезауруса составляют «сильные тексты» культуры, требует уточнения. Сильными текстами называются «постоянно востребуемые тексты, получающие статус значимых в культуре в определенный момент» [1, с. 128]. Степень востребованности текстов определяется по количеству порождаемых ими прецедентных феноменов в различных видах речевой практики. «Прецедентные тексты делятся на тексты историко-национального характера (то есть отвечающие критерию “мест памяти” и, как правило, включенные в канон школьного образования) и на тексты актуально-оперативного характера (то есть соотносимые с настоящим и актуальным для широкого круга носителей языка в данный момент времени)» [3, с. 127]. К первой группе текстов относятся 1. Религиозные тексты (Библия, апокрифические произведения); 2. Классическая литература (национальная и мировая); 3. Фольклорные произведения; 4. Детское чтение.

Мы выделяем детское чтение в отдельную группу источников прецедентных текстов, так как, во-первых, оно включает в себя как авторские произведения, так и фольклорные тексты, во-вторых, детское чтение оказывает влияние на становление языковой личности на самом раннем этапе формирования тезауруса, обусловливая не только образную систему лексикона, но и основные концепты, определяющие систему ценностей личности.

Ко второй группе прецедентных текстов относятся по преимуществу тексты медиа: рекламные слоганы, высказывания политиков, популярные песни, названия фильмов, произведения массовой литературы и т. д. Тексты медиа являются наиболее подвижным пластом культуры, они быстро теряют

актуальность и «стираются» из культурной памяти лингвокультурного сообщества. Таким образом, являясь сильными текстами для определенного момента времени, тексты медиа, тем не менее, находятся на периферии культурной памяти. Ядро интертекстуального тезауруса составляют тексты, сохраняющие статус сильных на протяжении значительного количества времени.

Основными методами изучения интертекстуального тезауруса языковой личности являются анализ произведенных текстов и свободный или направленный ассоциативный эксперимент, а также анализ данных уже существующих ассоциативных словарей. Отметим, что первый метод больше подходит для изучения тезауруса конкретной языковой личности, в то время как «широкий круг средних носителей» устанавливается путем анкетирования, ставящего своей целью выявление стандартного набора текстов и устойчивых представлений среднего носителя языка/культуры, а также их фиксацию в определенный момент» [1, с. 128]. Ассоциативный словарь дает возможность изучить интертекстуальный тезаурус личности в синхронии, то есть выявить основные источники прецедентных феноменов, актуальных во время проведения эксперимента и составления словаря. Определение текстов, входящих в ядро культурной памяти языковой личности, требует сравнения данных нескольких словарей, созданных в различные временные промежутки.

Для выявления места прецедентных феноменов, связанных с детским чтением, в интертекстуальном тезаурусе рассмотрим материалы пяти ассоциативных словарей: «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САН), «Русского ассоциативного словаря» (РАС), «Русского ассоциативного словаря: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» (РАСШ), «Словаря обыденных толкований» (СОТРС), «Словаря детских ассоциаций» (СДА).

«Из 400 проанализированных анкет психолингвистического эксперимента по составлению ассоциативного тезауруса русского языка (на основе которого был создан «Русский ассоциативный словарь». — *Е. Н.*) было выделено немногим менее 200 случаев, которые можно квалифицировать как использование испытуемыми прецедентных текстов» [2, с. 241]. Большой объем материала, обобщенного в «Русском ассоциативном словаре», дает широкие возможности для изучения явлений прецедентности в языковом сознании русской языковой личности (см., например, Латышева 2011; Попадинец 2006). Выделяют четыре основных способа обращения к прецедентным феноменам в ассоциативных экспериментах (и соответственно ассоциативных словарях): название произведения, имя автора, имя героя, цитата [2, с. 243].

В РАСШ исследователи выделяют большую группу универсальных и национальных прецедентных феноменов, соотносимых с различными источниками: культурные и исторические явления, космос и его освоение, мифология, фольклор, религиозная сфера, массовая литература и др. (подробнее см.: [9, с. 227–229]). «В ассоциативном словаре школьников выделяется многочисленная группа литературно-художественных феноменов, которые являются одновременно и универсальными, и национальными» [9, с. 231]. Среди имен писателей на первом месте по количеству реакций оказывается А. С. Пушкин. Наиболее актуальными литературными произведениями являются «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Алые паруса» А. Грина, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Среди имен персонажей выделяются герои детского чтения: Баба-Яга, Гулливер, Карабас, Чебурашка.

Словарь ассоциативных норм под редакцией А. А. Леонтьева фиксирует среди реакций сравнительно небольшое количество прецедентных феноменов. Это отчасти объясняется объемом и составом слов-

ника. Сильными текстами, согласно материалам САН, необходимо признать произведения классической русской литературы: А. С. Пушкина (ДЕРЕВНЯ → *где скучал Евгений, где скучал Онегин*; ДОЧЬ → *капитанская*; ДЯДЯ → *самых честных правил*), М. Ю. Лермонтова (ЖЕЛАТЬ → *Лермонтов*), Л. Н. Толстого (СЛАВА → *Болконский Андрей*), М. Булгакова (МАСТЕР → *и Маргарита*), произведения, относящиеся к детскому чтению (ДОБРЫЙ → *Айболит*; ДОЧЬ → *Мальвина, Монтесумы*; ДЯДЯ → *Степа*; ОКАЗЫВАТЬСЯ → *разбитого корыта*; ПАПА → *Карло*). Примечательно, что в САН не зафиксировано прецедентных феноменов, порожденных массовой культурой. Вероятно, это объясняется временем создания словаря (1977 г.), когда массовая культура и СМИ оказывали меньшее воздействие на тезаурус языковой личности.

«Словарь обыденных толкований» обобщает данные направленного ассоциативного эксперимента и фиксирует значительное количество прецедентных феноменов. Сильными текстами, по данным словаря, следует считать произведения, входящие в круг детского чтения, поскольку они составляют количественно большую часть всех литературных текстов, к которым апеллируют участники эксперимента (БЕЛКА → *белка песенки поет и орешки все грызет*; БЕССМЕРТНИК → *Кощей*; БУКАШКА → *сказки Чуковского Корнея*; ДУРМАН → *Буратино, Дуремар*). Из текстов классической русской литературы наиболее актуальными являются произведения М. А. Булгакова, А. С. Пушкина, А. П. Чехова, С. А. Есенина, Н. В. Гоголя, И. Ильфа и Е. Петрова (БОРОВ → *«Мастер и Маргарита»*, АНЧАР → *стихотворение Пушкина*, КРЫЖОВНИК → *Чехов*, БЕРЕЗА → *белая береза под моим окном*, БОРЗАЯ → *Ляпкин-Тяпкин*, ЗУБРОВКА → *Остап Бендер*). В реакциях находят отражение также произведения зарубежных классиков (КНИГА → *кот (Мурр)*; КЛЯЧА → *Дон Кихот, Росинант, Санчо Панса*), тексты античной литературы и мифологии (МЕДУЗА → *Горгона*; ВОЛЧИЦА → *волчица вскормила Ромула и Рема*; ГЕЛИОТРОП → *Гелиос — бог солнца*), религиозные тексты (МАИС → *Моисей*; Кардамон → *Соломон*).

Статьи СОТРС содержат значительное количество ассоциаций, мотивированных текстами медиа (ДИНОЗАВР → *«Динозаврик Дино» (из рекламы йогуртов)*; ЖИРАФ → *реклама конфет драже*; КУКУРУЗА → *кукуруза «Бондюэль» всегда вкусная и полезная*). Отметим, что большая их часть не совпадает с подобными прецедентными феноменами, зафиксированными в других ассоциативных словарях.

«Словарь детских ассоциаций» фиксирует небольшое количество прецедентных феноменов, разнообразных, однако, по источникам. Очевидно, что наибольшее влияние на ассоциативный тезаурус ребенка оказывает детское чтение, что подтверждается подавляющим количеством ассоциаций, апеллирующих к произведениям круга детского чтения (ВСТРЕЧА → *Бобик, Тотошка*; КНИГА → *Буратино, Незнайка, о зверятах, Робинзон Крузо*; ЗНАТЬ → *Чебурашка, Незнайка, Тома, Чипполино*). Кроме того, словарь отражает следы влияния на языковое сознание ребенка классической литературы (МАСТЕР → *и Маргарита*), античной мифологии (КРИЧАТЬ → *Юпитер*; ЛЕС → *Геркулес*), массовой культуры (СИЛА → *Рэмбо*; СЛОВО → *«Богатые тоже плачут», «Санта-Барбара»*).

Основываясь на тезисе о том, что «данные свободного/направленного ассоциативного эксперимента соотносимы с данными других ассоциативных экспериментов» [4, с. 18], рассмотрим, как отражены одинаковые стимулы в различных ассоциативных словарях. Для сравнения из словников названных словарей нами были отобраны стимулы *бегемот, дядя, заяц, мастер.* Критериями отбора служили следу-

ющие признаки стимулов: вхождение в состав стимулов большинства рассматриваемых словарей и потенциальная возможность ассоциирования данных слов с прецедентными феноменами, мотивированными различными типами прецедентных текстов. Были рассмотрены реакции, связанные с прецедентными текстами. Следует отметить, что недостаток применения метода ассоциативного эксперимента для выявления аспектов прецедентности текста заключается в том, что «лаконичность ответов реципиентов не дает возможности с уверенностью определить, каким именно аспектом прецедентности была вызвана та или иная ассоциация» [14, с. 202]. Так, например, не ясно, вызвана ли реакция *милиционер* на стимул *дядя* в «Русском ассоциативном словаре» прецедентным текстом — стихотворением С. Михалкова «Дядя Степа — милиционер» или личным опытом реципиента. Анализу подвергались только реакции, бесспорно относящиеся к прецедентным феноменам.

В РАС зафиксирована одна реакция на стимул *Бегемот*, соотносимая с прецедентным текстом: Бегемот → *Булгаков*, очевидно, мотивированная именем героя романа «Мастер и Маргарита». С данным прецедентным текстом связаны также шесть реакций в СОТРС: Бегемот → *кот* 5; *кот из «Мастера и Маргариты»*. Помимо этого, в СОТРС зафиксированы реакции, вызванные ассоциативными связями с произведением К. Чуковского «Айболит»: Бегемот → *Айболит, бегемотики схватились за животики, у наших бегемотиков животики болят*; с мультфильмом «Мадагаскар»: Бегемот → *из Мадагаскара, бегемот Мото-Мото, Мото-Мото из Мадагаскара;* с песней Красной Шапочки из одноименного художественного фильма: Бегемот → *а-а, крокодилы, бегемоты*; детской песней: Бегемот → *у бегемота нету талии, он не умел танцевать*. В РАСШ также зафиксированы реакции, связанные с мультфильмом «Мадагаскар»: *Мото-Мото, Мадагаскар*. Кроме того, отмечаются ассоциации, мотивированные произведением И. С. Тургенева (*Муму*), сказкой А. Н. Толстого «Золотой ключик» (*Тортилла*), а также телевизионной программой (*Телепузики*). В последнем случае реакция, вероятно, вызвана внешним сходством героев передачи с бегемотом.

Очевидно, что реакций, связанных с текстом романа М. А. Булгакова, в статье стимула *бегемот* немного, хотя роман «Мастер и Маргарита», безусловно, относится к сильным текстам русской культуры и входит в ядро интертекстуального тезауруса русской языковой личности. Это показывают реакции на стимул *мастер*, связанные с данным прецедентным текстом. Они являются наиболее частотными в САН (*и Маргарита* 9), РАС (*и Маргарита* 82, *Маргарита* 43, *Булгаков* 2), РАСШ (*Маргарита* 17; *и Маргарита* 6; *Булгаков, Мастер и Маргарита* 1), СДА (*Маргарита* 6). Подтверждается тезис о том, что наиболее узнаваемым и употребительным прецедентным феноменом является лексема/словосочетание, стоящее в сильной позиции текста, в данном случае — в заглавии. Помимо романа М. А. Булгакова, стимул *мастер* связывается в сознании русской языковой личности со сказкой С. Я. Маршака «Мастер-ломастер». Соответствующие реакции отмечаются в РАС (*ломастер* 17; *фломастер* 12), в РАСШ (*ломастер* 4; *фломастер* 4). Одиночные реакции в РАСШ мотивированы сказом Н. С. Лескова «Левша» (*Левша*), произведениями Ю. Дружкова (*Самоделкин*), в СДА — сказкой В. Гауфа (*Мук*). Следует отметить, что из перечисленных прецедентных феноменов не входит в ядро языковой личности Самоделкин, так как и произведения Ю. Дружкова, и одноименный мультфильм потеряли свою актуальность и незнакомы большей части младшего поколения. Прецедентный феномен *мастер-ломастер* остается в когнитивной базе сообщества, используется носителями языка, однако можно предполо-

жить, что он не связывается с определенным прецедентным текстом, становясь стереотипом восприятия.

Наиболее частотной ассоциацией на стимул *дядя* в трех ассоциативных словарях является реакция *Степа*, мотивированная стихотворением С. Михалкова: САН — 29 реакций, РАС — 20 реакций, РАСШ — 43 реакции. Помимо этого, в РАСШ возникают реакции, связанные с произведением Э. Успенского «Дядя Федор, пес и кот» / мультфильмом «Трое из Простоквашино»: Дядя → *Федор* 4; *дядя Федор* 1. В САН, напротив, зафиксированы реакции, связанные со «взрослой» литературой — поэмой А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Дядя → *самых честных правил* 13; *честных правил.* В РАС наблюдаются единичные реакции, мотивированные классической литературой и детским чтением: Дядя → *Плюшкин, Хоттабыч*.

Стимул *заяц* в сознании русской языковой личности связан в основном с детским чтением и мультипликацией. В РАС зафиксировано семь реакций *Мазай*, связанных со стихотворением Н. А. Некрасова. В РАСШ встречается одна подобная реакция, в СОТРС и СДА — по две. Наиболее частотная реакция на стимул *заяц* в РАСШ → *волк*, которую с большой вероятностью можно отнести к прецедентной ситуации «заяц — волк», мотивированной мультфильмом «Ну, погоди!». Сама реакция *Ну, погоди* является единичной. Гораздо большее количество реакций, апеллирующих к названному мультфильму, зафиксировано в СОТРС: *мультфильм «Ну, погоди!» 7; ну, заяц, погоди 14; «заяц — волк»; мультфильм* 1. Кроме того, словарная статья содержит прецедентные феномены, отсылающие к детскому чтению: *зайка-попрыгайка*; *зайку бросила хозяйка*. Единичные реакции связаны с детской песней (*трусишка зайка серенький под елочкой скакал*) и телевизионным сериалом. СДА, помимо уже упомянутых реакций, содержит реакции *Микки-Маус* и *Незнайка*, относящиеся с мультфильмом и произведением Н. Носова.

Таким образом, наиболее актуальными источниками прецедентных феноменов для русской языковой личности являются произведения классической русской литературы, изучаемые в школе (А. С. Пушкина, М. А. Булгакова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя), детское чтение (фольклорная сказка, стихотворения С. Михалкова, произведения К. И. Чуковского). Отметим, что, помимо литературных и фольклорных произведений, большое влияние на формирование интертекстуального тезауруса (в особенности тезауруса ребенка) оказывает мультипликация.

Ядро интертекстуального тезауруса также подвержено динамике, но процесс включения прецедентного текста в ядро тезауруса и утрата актуальности происходят гораздо медленнее, чем смена прецедентных текстов на периферии. Так, можно предположить, что в ядро интертекстуального тезауруса войдут прецедентные феномены, мотивированные серией романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Они не зафиксированы в РАС, однако они появляются в созданном значительно позднее РАСШ как реакции на стимулы *книга, очки, велосипед, затянуть, фильм, яблоко*. Более поздний ассоциативный словарь — СОТРС — свидетельствует о том, что данный прецедентный текст в интертекстуальном тезаурусе представлен большим количеством прецедентных феноменов и является частью большего количества ассоциативных полей: БЕРЕЗА → Гарри Поттер; БУЗИНА → Гарри Поттер; палочка волшебная из «Гарри Поттера»; ГИДРА → Гарри Поттер; ГРИФ → Гарри Поттер, Гриффиндор; МОХОВИК → моховик времени, как у Гермионы в «Гарри Поттере»; ЕДИНОРОГ → Гарри Поттер, Хагрид; ЗМЕЯ → Салазар Слизерин.

Таким образом, данные ассоциативных словарей подтверждают то, что ядро интертекстуального тезауруса русской языко-

вой личности составляют тексты, представляющие собой канон отечественной культуры, то есть прежде всего входящие в школьную программу по литературе. Кроме того, ядро ассоциативного тезауруса включает в себя тексты детского чтения, многие из которых усваиваются еще в дошкольном или младшем школьном возрасте и формируют устойчивые ассоциативные связи.

При сравнении ассоциативных словарей отмечается усиление воздействия нелитературных текстов массовой культуры на формирование интертекстуального тезауруса личности: если в «Словаре ассоциативных норм» прецедентных феноменов, апеллирующих к текстам медиа, не зафиксировано, то, по данным самого позднего из рассматриваемых словарей, подобные тексты составляют значительную часть тезауруса языковой личности, находясь, однако, на его периферии вследствие неустойчивости, быстрой потери актуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Денисова Г. В.* В мире интертекста: язык, память, перевод / Предисл. С. Гардзонио; Предисл. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. 289 с.
2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2007. 264 с.
3. *Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.
4. *Клименко А. П., Супрун А. Е.* Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Сост. А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, А. Е. Супрун и др.; Под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977. С. 17–24.
5. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Современная языковая ситуация и речевая культура: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. 181 с.
6. *Кузьмина Н. А.* Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2011. 271 с.
7. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: В 2 т. / Авт. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2011. Т. I–II.
8. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Авт. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов; Ин-т рус. яз. РАН. М.: Астрель, 2001. Т. 1–2.
9. *Сдобнова А. П.* Прецедентные феномены в ассоциативном словаре школьников // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.; Барнаул, 2004. С. 227–239.
10. *Сиротинина О. Б.* Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 3–9.
11. Словарь ассоциативных норм русского языка / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Авт. А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, А. Е. Супрун и др.; Под. ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977. 192 с.
12. Словарь детских ассоциаций: ассоциации детей от шести до десяти лет / Сост. Н. И. Береснева, Л. А. Дубровская, И. Г. Овчинникова. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1995. 255 с.
13. Словарь обыденных толкований. Лексика природы: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 2012. Т. 1: А–М (Абрикос — муравей): (478 слов-стимулов). 500 с.
14. *Слышкин Г. Г.* Об апелляции к прецедентным текстам в дискурсе // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. Волгоград: Перемена, 1998. С. 197–206.
15. *Соломина Н. В.* Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ и интеллектуальных игр): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.

REFERENCES

1. *Denisova G. V.* V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod / Predisl. S. Gardzonio; Predisl. Ju. N. Karaulova. M.: Azbukovnik, 2003. 289 s.
2. *Karaulov Ju. N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M., 2007. 264 s.
3. *Karaulov Ju. N.* Aktivnaja grammatika i associativno-verbal'naja set'. M.: Institut russkogo jazyka RAN, 1999. 180 s.
4. *Klimenko A. P., Suprun A. E.* Associativnyj jeksperiment v rjadu drugih metodov semanticheskih issledovanij // Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka / In-t rus. jaz. im. A. S. Pushkina; Sost. A. A. Leont'ev, A. P. Klimenko, A. E. Suprun i dr.; Pod red. A. A. Leont'eva. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1977. S. 17–24.
5. *Kozyrev V. A., Chernjak V. D.* Sovremennaja jazykovaja situacija i rechevaja kul'tura: Ucheb. posobie. M.: Flinta, 2012. 181 s.
6. *Kuz'mina N. A.* Intertekst: tema s variacijami: fenomeny jazyka i kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. M.: URSS LIBROKOM, 2011. 271 s.
7. Russkij associativnyj slovar': associativnye reakcii shkol'nikov 1–11 klassov: V 2 t. / V. E. Gol'din, A. P. Sdobnova, A. O. Mart'janov. Saratov: Izd-vo Saratov. gos. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo, 2011. T. I–II.
8. Russkij associativnyj slovar': V 2 t. / Avt. Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov; In-t rus. jaz. RAN. M.: Astrel', 2001. T. 1–2.
9. *Sdobnova A. P.* Precedentnye fenomeny v associativnom slovare shkol'nikov // Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty. M.; Barnaul, 2004. S. 227–239.
10. *Sirotinina O. B.* Sociolingvisticheskij faktor v stanovlenii jazykovoj lichnosti // Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty: Sb. nauch. tr. / VGPU; SGU. Volgograd: Peremena, 1998. C. 3–9.
11. Slovar' associativnyh norm russkogo jazyka / In-t rus. jaz. im. A. S. Pushkina; avt. A. A. Leont'ev, A. P. Klimenko, A. E. Suprun i dr.; Pod. red. A. A. Leont'eva. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1977. 192 s.
12. Slovar' detskih associacij: associacii detej ot shesti do desjati let / Sost. N. I. Beresneva, L. A. Dubrovskaja, I. G. Ovchinnikova. Perm': Izd-vo Perm. gos. un-ta, 1995. 255 s.
13. Slovar' obydennyh tolkovanij. Leksika prirody: V 2 t. / Pod red. N. D. Goleva. Kemerovo: Izd-vo Kemerov. un-ta, 2012. T. 1: A–M (Abrikos — muravej): (478 slov-stimulov). 500 s.
14. *Slyshkin G. G.* Ob apelljacii k precedentnym tekstam v diskurse // Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty: Sb. nauch. tr. / VGPU; SGU. Volgograd: Peremena, 1998. S. 197–206.
15. *Solomina N. V.* Intertekstual'nyj tezaurus sovremennoj jazykovoj lichnosti (na materiale pis'mennyh tekstov SMI i intellektual'nyh igr): Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 25 s.

А. А. Буткевич

ЦИКЛ «ВИЗАНТИЙСКИХ» ЛЕГЕНД Н. С. ЛЕСКОВА В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: НОМИНАЦИИ И ПОЭТИКА

Статья посвящена рассмотрению истории изучения цикла «византийских» легенд Н. С. Лескова в аспекте номинаций, которые давали произведениям цикла критики и литературоведы. Каждая историческая веха в рецепции этих произведений отмечена определенными номинациями, которые оказывались связаны с особенностями поэтики. Так, определение «проложные» тесно соприкасалось с одним из источников лесковского цикла — памятником древнерусской литературы Прологом. При этом «обстановочность» как одна из особенностей «византийских» легенд оставалась на периферии лескововедения, несмотря на то, что именно эта номинация отражает в данном случае специфику художественной организации текста. Мы заостряем внимание прежде всего на этой особенности изучаемых историко-литературных явлений.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «византийские» легенды, поэтика, история изучения, «обстановочность».